

Сов. Искусств. - 1989 - 9 сент. с. 11.

## ЕЩЕ РАЗ О ЛЮБВИ К ЧЕХОВУ

ТВ и Чехов — тема давняя, сложная. Родство их некогда выражалось в освоении телевидением все новых «чеховских территорий», в развитии собственной (но с чеховскими «генами») эстетики, в самом духе и стиле вещания. Недавно моменты полного душевного контакта зрителя с человеком на телеэкране, столь чеховские по своей природе, назывались прежде моментами «истинного ТВ».

Сейчас чувство родства у ТВ к Чехову, видимо, притупилось. Новых работ почти нет. Буднично проходит телевизионный фестиваль, посвященный предстоящему в 1990 году 130-летию Чехова, — показ кино- и телефильмов и фильмов-спектаклей. В этом, впрочем, нет сугубой вины ТВ. В последнее время Чехов в нашем сознании был несколько отодвинут и мощным напором публицистики, и новыми сегодняшними процессами, и заново — или впервые — открытыми классиками уже советской поры. Все же, думается, ненадолго — уже поднимается на горизонте новая «чеховская волна». Интерес к писателю, его личности и судьбе, ко всему, что связано с ним, становится нетерпеливым, ревнивым и повсеместным.

С Чеховым сейчас (как, впрочем, и всегда) непросто. То, что мы без него не можем, доказал без малого век. Разными способами мы в любую эпоху стремимся сохранить Чехова для себя: ищем в нем душевную опору, не зависящую от хода времен; ищем и созвучий с тем, что происходит вокруг; резко притягиваем его к себе, трактуем по злобе дня или обращаемся с ним так, как эта злоба дня велит.

Так в скромной передаче московской программы ТВ, прошедшей в июле, — «Москва чеховская» (автор сценария Ж. Буль, редактор Л. Павлова, режиссер И. Нетребчук), ломая ее эпический строй, а также ход и замысел, вскипали знакомые настроения дня... В анонсе обещано было немало: и расследование странного факта — в Москве нет памятника Чехову, и телевизионная экскурсия по чеховским адресам Москвы. Адресов этих множество, и за каждым свои сюжеты — биографические, житейские, литературные. Недавно вышедшая книга «Среди милых москвичей» — сборник произведений Чехова о Москве, составленный Е. Сахаровой, исчезла с прилавков мгновенно, будто ее и не было. О ней, однако, в передаче не говорится — равно как и о другом, необходимом или хотя бы небесполезном.

Создатели передачи, видимо, были захлестнуты новым для себя материалом и потеряли управление.

Небольшая передача с достаточно четкой темой перенасыщена проблемами и страстями до такой степени, что это переливается через край, размывает сюжетные берега (зачем в сугубо

«московской» передаче, к примеру, обширный рассказ о Мелихове?) и не дает толком решить основных вопросы. История с памятником остается непроясненной. Мы так и не узнаем, почему его решили водрузить не в Москве, а в городе Чехове (бывшей Лопасне); чье это решение — Моссовета или скульптора М. Аникушина? Мы даже не увидим на экране самого памятника — лишь отведенное для него в Лопасне место.

В экскурсии по чеховской Москве особое внимание уделяют последней квартире писателя, где он жил до своего рокового отъезда в Германию; ратуют за то, чтобы сделать ее мемориальной. Вопрос не новый и не беспорный: стоит ли, выделив эту квартиру из многих московских пристанищ Чехова, создавать еще один дом-музей при наличии на Садово-Кудринской действующего, основного? Существующее, даже хорошее, интересует и ценится мало. О знаменитом «доме-комоде» рассказано небрежно и бегло. Камера путешествует по его комнатам и даже не задерживается в святой святых — в чеховском кабинете. Мы не успеваем понять, почему этот маленький розовый домик стал магнитом для москвичей и любителей Чехова в целом мире. Но это, видимо, и не важно — цель передачи другая, и к ней стремительно движутся, не слишком оглядываясь по пути.

Цель откроется в кульминационный момент, в момент эмоционального «пика». Несколько взволнованных женщин (кто они, где они, занимают они Чеховым по долгу службы или по велению сердца? Все важно, но все и неясно) суют и негодуют на то, что в нашей стране Чехов обойден вниманием: за рубежом создаются чеховские общества, а у нас «ничего нет», и пора бы на родине Чехова открыть некий «мозговой центр».

Пафос в духе времени исполнен наступательной страсти. Чтобы заставить и нас проникнуться ею, пускаются в репортаж и спрашивают случайных встречных о фактах биографии Чехова. Один встречный знает, другой — нет. Что, однако, из этого? Много ли ценных сведений о судьбах русской классики удастся собрать подобным путем?

Что касается пафоса, то рады бы разделить — кто не постоит за Чехова? — но повесть не поволяет. Логика поклонниц Чехова в передаче напоминает знаменитую формулу Епиходова: «За границы все давно уже в полной комплектации». Формула (для Чехова) ироническая, но живучая. За границей действительно Чехова и любят, и

знают, и делают немало, но почему-то без нас обойтись не могут. Стало быть, и у нас кое-что есть...

Редкий писатель пользовался в послевоенное время в нашей стране таким широким вниманием, как Чехов, — самый современный из русских классиков, наш спутник в XX веке. Не перечислять в газетной статье тех идей, открытий и споров, тех книг, спектаклей и фильмов, тех «чеховских чтений» и фестивалей, что появлялись на «чеховском фронте» хотя бы в последние десятилетия. Да и не хочется перечислять: ведь все было недавно, и еще не иссякло, и мы этим жили — неужели так коротка наша память?

Есть чеховские музеи по всей стране и связанные с его памятью города — живут они трудно, но каждый — со своими традициями и своим лицом. Есть удивительный город Липецк, где Чехов ни разу не был, но где благодаря энтузиастам из местного театра сделали его родным: ставят пьесы и прозу Чехова; насытили «чеховским» атмосферу своего города; в подмосковном Мелихове (укоор москвичами!) основали красивую традицию — ежегодный праздничный музей Чехова и театра «Мелиховская весна». Есть люди, ученые они, или художники, или работники музеев, посвятившие Чехову жизнь. Есть театры и институты с собственной «чеховской школой». И общество Чехова, культуртрегерское движение в России, дошедшее уже и до Сахалина, — о нем, кстати, говорилось по той же МП. Наконец, есть и «мозговой трест», всесоюзный центр — Чеховская комиссия, а председатель ее В. Лакшин, в этом своем качестве почему-то не представленный, даже участвует в передаче и отвечает на частный вопрос...

О промахах передачи не стоило бы говорить так подробно, если бы здесь не сквозили общие и опасные для культуры тенденции. Одна из них — опасность дезинформации для нашей публики, отзывчивой на чужую беду. Другая — то воспаленное состояние души, когда порыв опережает знание и понимание, а порой и не нуждается в них, ибо важнее ратовать, не слишком оглядываясь на факты. Полбеда, когда это творится в горячке устных дискуссий — но если в деле участвуют и телевидение, и печать?

О создании Чеховской комиссии сообщали в свое время по радио, ТВ и в печати — первой, кстати, дала извещение «Советская культура». А затем на ее страницах, в цикле статей и откликов под общим девизом «Любим ли мы Че-

хова?», выдавались идеи Чеховского общества, ассоциации, фонда и прочего. Но о том, что уже сделано, действует, что можно использовать для дела (или хотя бы, по правилам конкуренции, следует замечать), не вспоминают. Что ж, придется немного рассказать читателям о комиссии — грею ее в том, что, занятая массой повседневных и неотложных дел, она не заботится о рекламе...

Путь к комиссии был долгим. Чеховские общества, возникавшие в России, оказывались непрочными. Но постепенно к середине нашего века сформировалась та область культуры и жизни, которую иначе, чем «мир Чехова», не назовешь. Огромный и сложный мир, в центре которого — сам Чехов, его творчество и личность, и то могучее излучение, которое она распространяет вокруг себя, объединяя и меняя людей. На волне этого излучения возникло чеховское сообщество, оказавшееся крепче иных «законных» образований. У истоков его стояли люди чеховской семьи и чеховского круга, его современники, от которых далее — от поколения к поколению, из рук в руки — шла традиция особого духовного общения с Чеховым и друг с другом, скреплявшая все.

В 70-е годы «мозговым центром» была Чеховская группа Института мировой литературы, круг ученых, открывавших Чехова заново, создавших то замечательное Полное собрание его сочинений в 30 томах, что, не успев завершиться, сразу начало выходить вторым изданием — так велик был спрос читателей на него. Рядом трудились музейщики и педагоги, ученые иных профилей, актеры и режиссеры, в бесконечных поисках, спорах и смене интерпретации делавшие Чехова сегодняшним и живым. Наша отечественная традиция в том, что все эти силы объединялись, действовали совместно, и в чеховедении не было академической замкнутости или снобизма, а практика получала поддержку науки. С 60-х годов нет и никакой монополии на Чехова — ни в искусстве, ни в науке; каждый исследователь или художник может идти к нему своим особым путем. Новое знание о Чехове приходило и с экрана, и со страниц ученой книги; на фестивале в Таганроге театр из «глубинки» мог победить мастеров столичной сцены, а любительские опыты вливались в общий поток искусства.

Демократизация, децентрализация — все эти сегодняшние, но и чеховские по сути своей процессы были отмечены в «мире Чехова» давно.

Они, в частности, выразились и в том, что Чехов перестал быть только русским писателем и «делался для Японии или Франции в равной мере «своим». За рубежом к Чехову существует прочный, активный, в ряде стран — отлично организованный интерес; есть свои общества Чехова, и даже общество международное — в США. Наши ученые — постоянные участники, а нередко инициаторы общих трудов, гости международных чеховских конференций, каковых у нас в стране пока, к сожалению, не было, но скоро, надеемся, будут.

Вслед за Чеховской группой ИМЛИ, сократившей свою деятельность к середине 80-х, фактически и явилась Чеховская комиссия. Она была создана в конце 1987 года в Научном совете по истории мировой культуры Академии наук СССР, где уже действуют аналогичные комиссии — Шекспировская, Гетевская и другие. Председателем ее стал В. Лакшин; в нее вошли ученые, писатели, сотрудники музеев, деятели разных искусств из нашей страны и из-за рубежа. Комиссия унаследовала и многих людей, и главные цели того изначального сообщества: действенное служение Чехову; изучение, сохранение и пропаганда чеховского наследия; совместные усилия во всем, будь то издание книги, помощь музею или контакт с театром. Таковы, кстати, были и первые, равно важные начинания ее...

Конечно, одна комиссия всех дел не решит — их хватит и обществам, и другим «новым формам», которые в избытке рождает нынешняя бурная жизнь. Как говорил чеховский герой в «Чайке»: «...всем места хватит, и новым, и старым — зачем толкаться?». Толкаться действительно не стоит. Не стоит и делать вид, будто находишься на пустыре, на безлюдье, когда кругом уже кипит стройка.

Т. ШАХ-АЗИЗОВА.

Р. С. Статья уже была написана и сдана в редакцию, когда в «Советской культуре» от 11 августа появилось заявление директора Института мировой литературы Ф. Ф. Кузнецова об учреждении всесоюзного Чеховского общества, по контурам своей программы и предполагаемого состава во многом совпадающего с Чеховской же комиссией. О совпадениях и «разделении труда», видимо, речь впереди. Сейчас же обилие чеховских образований внесло некоторую сумятицу в умы людей: членов комиссии, ее авторов, ее партнеров по подготовке юбилейного года. Пользуясь возможностями газеты, чтобы ответить им разом: все остается в силе.

Т. Ш.